

Р. ЛЕРМИТ

О РАЗВИТИИ НОМИНАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В современном русском литературном языке имеются двусоставные предложения без связки, которые, согласно французской лингвистической традиции, удобно называть номинативными (именными) предложениями¹. Имеются в виду предложения, построенные по схеме «подлежащее — отсутствующая связка — сказуемое, выраженное именем»².

Известно, что одной из своеобразных черт синтаксического строя русского языка является регулярное употребление именного предложения в соответствии с предложением связочного типа в романо-германских и большинстве славянских языков; ср.: *Я профессор — Je suis professeur* — польск. *Jestem profesorem*; *Он болен — англ. He's ill* — серб.-хорв. *On je bolestan*; *Мы — французы — нем. Wir sind Franzosen* — чеш. *Jsmе Francouzi* и т. п.

Сопоставление таких русских высказываний с теми же предложениями в прошедшем или в будущем времени позволяет считать, что в них в настоящем времени представлена «нулевая связка» (*signe zero*, о подразумеваемой глагола или его эллипсе здесь речи нет)³; правда, в этой форме иногда употребляется связка *есть*, а еще реже *суть*⁴, но такое употребление диктуется обычно стилистическими соображениями. Можно считать поэтому, что в русском языке существует корреляция, «неотмеченным» членом которой является предложение без связки, а «отмеченным» членом предложение со связкой. Противоположное положение наблюдается, например, во французском языке, в котором «неотмеченным» членом является предложение со связкой (*Je suis malade; Il est ingénieur*), а «отмеченным» — предложение без связки (*Moi malade?, Lui ingénieur?*).

В русском языке такая же корреляция наблюдается и в таких двусоставных предложениях, где сказуемое указывает на место, в котором находится субъект, ср.: *Где ты?*; *Мой сын в Москве* и под. Такие предложения также выступают в качестве «неотмеченного» члена корреляции; «отмеченным» членом можно считать предложение с глаголами *бывать, оставаться, проживать* или *сидеть, стоять, лежать* и под.

Следует отметить и те случаи, когда указывается лишь на существование субъекта. Употребление формы *есть* входит здесь в две корреляции: с одной стороны, в корреляцию *есть — нет*, основанную на семантическом противопоставлении, а с другой в корреляцию *есть — нулевая форма глагола*, основанную прежде всего на стилистической дифференциации.

2. Генетическое родство русских форм *есть* и *суть* с соответствующими формами в других индоевропейских языках побуждает обратиться к анализу названных русских номинативных предложений в диахроническом плане. Эти формы представляют собой остатки парадигмы спряжения

¹ В русской лингвистической традиции под номинативными предложениями обычно понимаются односоставные предложения. См.: О. С. А х м а н о в а, Словарь лингвистических терминов, М., 1969; J. M a r o u s e a u, Lexique de terminologie linguistique, Paris, 1951 (русск. перевод: Ж. М а р у з о, Словарь лингвистических терминов, М., 1960).

² Ср.: Ch. G u i r a u d, La phrase nominale en grec, Paris, 1962, стр. 15—16.

³ См.: Ch. B a l l y, Copule zéro et faits annexes, BSLP, XXIII, 1, 6, 1922.

⁴ См.: «Грамматика русского языка», 1, М., 1953, стр. 577.

глагола *быти* в настоящем времени (др.- русск. *есмь, еси, есть, есмь, есте, суть, есве, еста*)⁵. Современное предложение без связки с этой точки зрения как будто бы является результатом утраты форм настоящего времени глагола *быти* (за исключением *есть* и *суть*). Так ли это было?

Гипотезы о происхождении предложений без связки в русском языке можно разделить на три группы:

а) А. А. Шахматов, Г. О. Винокур, Л. А. Булаховский считают, что предложение с нулевой связкой характерно для всех индоевропейских языков⁶. По А. А. Шахматову, например, в древнейших языках индоевропейской семьи предложения со связкой относились к действительному настоящему времени, а предложения без связки употреблялись тогда, когда высказывание не имело временного значения (гномическое настоящее время). Если следовать этой теории, современный русский язык как будто сохранил архаическую черту, а употребление форм *есть* и *суть* в нем следует отнести за счет влияния старославянского языка.

б) Согласно гипотезам второго типа, развитие предложений без связки — относительно недавнее явление, результат действия внутриязыковых факторов. В. Пизани, А. И. Ефимов считают, что утрата связки прежде всего произошла там, где связка играла роль вспомогательного глагола, т. е. в перфекте⁷; это время, заменив аорист, потеряло свое результативное значение и стало единственной формой прошедшего времени в русском спряжении. Следуя за Ф. И. Буслаевым, А. И. Соболевский возводит утрату связки к возрастающему употреблению личных местоимений⁸. Я. А. Спричак устанавливает соотношение между отсутствием связки и наличием форм, отмеченных по роду и числу (местоимения, прилагательные, причастия)⁹. В. И. Борковский считает, что отсутствие форм *есть* и *суть* в качестве связки являлось нормой для древнерусского языка; употребление форм 1 и 2-го лица диктовалось необходимостью указать на лицо¹⁰. П. С. Кузнецов пишет о том, что связка становится лишней в 3-м лице, где подлежащее чаще всего имеет морфологическое выражение¹¹. Т. П. Ломтев синтезирует эти объяснения: «Во-первых, связка 3-го лица настоящего времени при наличии подлежащего, выраженного именем, первоначально употреблялась не систематично; во-вторых, связка настоящего времени во всех трех лицах систематически употреблялась первоначально только при неназванном подлежащем; в-третьих, в более позднюю эпоху личные местоимения стали более широко употребляться при личных формах глагола; это создало возможность падения личных форм вспомогательного глагола при причастии прошедшего времени на *-ль*; данная возможность превратилась в действительность под влиянием аналогии со стороны соответствующих конструкций с именем в подлежащем; следовательно, основная причина падения личных форм вспомогательного

⁵ Воспроизводим здесь эту парадигму так, как она дается в исторических грамматиках русского языка.

⁶ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, ч. 1, Л., 1941, стр. 179—180 и сл.; Г. О. Винокур, Русский язык, М., 1945, стр. 15; А. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, Киев, 1958, стр. 445.

⁷ V. Pizani, Zum russischen Nominalsatz, IF, 49, 1931, стр. 47—51; А. И. Ефимов, К истории форм прошедшего времени русского глагола, «Уч. зап. Пермск. гос. пед. ин-та», 2, 1937.

⁸ А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, М., 1905—1907, стр. 258 и сл.

⁹ Я. А. Спричак, Очерк русского исторического синтаксиса, Киев, 1960, стр. 63—66.

¹⁰ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, 1, Львов, 1949, стр. 188 и сл.

¹¹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, М., 1963, стр. 283, 323—324, 332 и сл.

глагола при причастии на *-ль* состоит в распространении личных местоимений в функции подлежащего, а затем уже и во влиянии соответствующих конструкций»¹².

в) Еще в начале нашего века французский языковед Р. Готье обратил внимание на сходство русского и финно-угорского языков центральной и северо-восточной России в широком употреблении предложений без связки¹³. В. Вондрак и Э. Леви объясняли это сходство или древними контактами между этими языками, или вероятным смешением древнерусской и финно-угорской народностей¹⁴. Недавно В. Венкер также отнес эту особенность синтаксического строя русского языка к тем чертам, в которых с некоторой степенью вероятности прослеживается финно-угорское влияние на русский язык¹⁵.

3. Столь разные объяснения побуждают обратиться к данным самой истории русского языка. Для этого мною было предпринято систематическое обследование древне- и старорусских текстов. Прежде чем приступить к такому анализу, пришлось ответить на некоторые предварительные вопросы.

Вопрос о *corpus'e* привлекаемых данных — их объеме и составе — решался таким образом, чтобы по возможности отвести факты старославянского влияния. Были исключены переводы с греческого языка, религиозные тексты. Подбор текстов ограничился летописями и грамотами до середины XVI в. Язык летописей довольно разнообразен, в них иногда воспроизводится речь персонажей, что дает сведения о 1 и 2-м лицах. Преимущество грамот состоит в их документально подтвержденной отнесенности к различным территориям. Было обследовано также «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, в котором отражается в известной степени живой русский язык конца XV в.

При подборе данных регистрировались все предложения с формами настоящего времени глагола *быти* и все предложения с нулевой степенью этого глагола, за исключением тех предложений, где представлен явственный «эллипс» глагола *быти* (например, в повторениях).

Для выявления подлинных предложений с нулевой связкой мы прибегали к ряду приемов: а) сопоставление с фразами одинакового содержания, имеющими форму настоящего времени глагола *быти*. На основе такого сопоставления, например, сделан вывод, что в предложении *Лучше умерети* имеется нулевая связка, поскольку в Синодальном списке Новгородской летописи мы находим под 1204 г.: *да лучше ны есть умрети*; б) сопоставление с фразами, где представлены формы прошедшего времени или будущего времени глагола *быти*; в) сопоставление с данными старославянского и других славянских языков. Можно, например, говорить о нулевой форме настоящего времени *быти* в предложениях с «самостоятельными предикативами» (категория состояния) на основании сопоставления со ст.-слав. *нѣжда есть, нелѣпо есть*, серб.-хорв. *hladno je*, чеш. *škoda je*.

Бывают, однако, случаи, когда однозначно судить о структуре предложения нет возможности; примером этого служат фразы типа *Се градъ*

¹² Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, М., 1956, стр. 60.

¹³ R. G a u t h i o t, La phrase nominale en finno-ougrien, «Mémoires de la Société de Linguistique de Paris», 15, стр. 201—227; см. также: BSLP, 52, XIII, 1904, стр. XXVI—XXVII.

¹⁴ W. V o n d r a k, Slavische Grammatik, II, Göttingen, 1928, стр. 431; E. L e v y, Betrachtung des Russischen, ZfslPh, II, стр. 415—437.

¹⁵ W. V e e n k e r, Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache, Bloomington, 1967, стр. 109—117. В. Кипарский в своей рецензии на этот труд высказывает сомнения в возможности финно-угорского влияния на развитие такого типа предложения («Annales Academiae Scientiarum Fennicae», Helsinki, 1969).

мои. Можно видеть в слове *се* или указательное местоимение — тогда речь идет о фразе с нулевой связкой (ср. совр. *Это мой город*), или частицу (ср. *Вот мой город*) — в последнем случае предложение находится вне круга интересующих нас явлений. Подобным же образом фразы с *иже*, *яже*, *еже* допускают двойное толкование: или эти слова — относительные местоимения, и тогда это предложение с нулевой связкой, или это кальки греческого члена. Вопрос усложняется тем, что в старославянских текстах греческое предложение переводится двойко. Ср., например, Ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς, которое переводится *Отъць вашъ иже в небесе/хъ* (Марк. XI, 26) и *иже есть на небесехъ* (Матф. XXIII, 9).

Анализ собранных данных проводился следующим образом. Исходя из принципиального различия, существующего между 1 и 2-м лицами, с одной стороны, и 3-м, с другой¹⁶, мы разделили данные на две соответствующие группы. Затем в соответствии с семантикой и функциональным значением глагола *быти* данные были распределены на пять групп: 1) предложения, в которых *быти* играет роль связки; 2) предложения, в которых *быти* является вспомогательным глаголом, т. е. употреблено в перфекте; 3) предложения, в которых *быти* указывает на местонахождение подлежащего; 4) предложения, в которых *быти* выражает существование подлежащего; сюда были включены и посессивные предложения, т. е. предложения, в которых подлежащее обозначает предмет обладания, а существительное или местоимение, указывающее на владельца, стоит в дат. падеже или входит в словосочетание с предлогом *у* (*мне ...*, *у меня есть*); 5) предложения, впоследствии давшие начало категории состояния.

Параллельно с этим данные были распределены и по временному признаку: было установлено три периода — до начала XII в., XII—XIV вв., до середины XVI в. Для каждого из этих периодов в соответствии с намеченными пятью группами был подсчитан процент употребления форм настоящего времени глагола *быти* и соответственно процент данных с нулевой формой этого глагола.

4. При анализе «языка летописей» использовались данные четырех текстов: «Повести временных лет», Устюжского летописного свода, Новгородской летописи и Галицко-Волынской летописи¹⁷. Что касается территориальной отнесенности летописей, то вне зависимости от места происхождения отдельных рукописей мы условно относили каждую летопись к той области, на территории которой происходили описываемые события. При отнесении летописей или их частей к выделяемым хронологическим периодам мы исходили из следующей рабочей гипотезы. Летописцы обычно писали о событиях немедленно после того, как они происходили; переписчики вносили потом в тексты поправки или изменения прежде всего орфографического или морфологического, а не синтаксического порядка. Эта гипотеза подтвердилась в ходе нашего исследования — с течением времени резко возросло употребление перфекта (в связи с утратой имперфекта и аориста).

Таким образом, данные «Повести временных лет» были отнесены целиком к первому периоду; данные Устюжского летописного свода и данные

¹⁶ См., например: E. Benveniste, Structure des relations de personne dans le verbe, BSLP, XLIII, 1, 1946; е г о ж е, La nature des pronoms, «For Roman Jakobson», La Haye, 1956; е г о ж е, De la subjectivité dans le langage, «Journal de psychologie», juillet — août 1958. Подчеркнем, что если отсутствие связки в 3-м лице наблюдается как частное явление во многих языках, то оно почти не отмечено в 1 и 2-м лицах.

¹⁷ «Повесть временных лет», М.—Л., 1950; «Устюжский летописный свод», М.—Л., 1950; «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950; см. соответствующий текст в Ипатьевской летописи («Полное собрание русских летописей», II, 2-е изд., СПб., 1908).

Новгородских летописей были разделены на три группы по хронологическому признаку. Текст Галицко-Волынской летописи был отнесен ко второму периоду (он охватывает время от 1201 по 1290 г. в Ипатьевской летописи).

Выбор «Хожения за три моря» Афанасия Никитина объясняется тем, что своим содержанием этот памятник отличается от современных ему текстов, он принадлежит перу одного лишь автора (если не принимать в расчет возможные интерполяции) и, следовательно, представляет довольно много данных, относящихся к одному лицу. Из трех версий, воспроизведенных в издании 1958 г.¹⁸, была подвергнута анализу третья.

Отнесение грамот к определенному периоду и географической группе определялось годом и местом происхождения. Первую группу составляли северо-западные грамоты: 348 из них принадлежат сборнику Новгородских и Псковских грамот¹⁹; из шести томов с 485 грамотами на бересте, найденными при раскопках в Новгороде, полезный нам материал дали лишь 85²⁰; к этой группе были отнесены шесть грамот из сборника Археографической экспедиции²¹, которые не были помещены в сборнике 1949 г., и грамоты, следующие за Новгородской первой летописью в Комиссионном списке.

Западную группу составили восемь Смоленских грамот XIII—XIV вв.²², две грамоты из Полоцка, взятые из «Актов Археографической комиссии», и 13 грамот, происходящие из городов, находящихся теперь на территории Белорусской ССР и Латвийской ССР (хотя эти грамоты помещены в двух сборниках украинских грамот)²³.

Более 200 грамот происходят из Центральной России; они взяты из сборника Археографической комиссии. Самая древняя из них восходит к 1361 г., следовательно, подавляющее их большинство относится к третьему периоду.

В юго-западную группу вошли некоторые договоры, заключенные киевскими князьями (и несмотря на это, помещенные в Комиссионном списке вслед за Новгородской летописью), и грамоты из тех украинских сборников, о которых речь шла выше. Большинство из этих грамот происходило из Киева, Больни и Галиции, но некоторые из них относились к местностям, которые ныне находятся на румынской и польской территориях.

5. Всего было собрано 11 512 фактов: 7775 из грамот, 3328 из летописей и 409 из «Хожения за три моря». Анализ этих фактов был проведен с трех точек зрения: функциональной, семантической, временной и географической.

Вот результаты этого анализа.

Ф у н к ц и я с в я з к и , 1 и 2-е л и ц а . В нашем распоряжении было лишь 269 фактов, относящихся к этим лицам, т. е. 3% всех данных:

¹⁸ «Хожение за три моря Афанасия Никитина», М., 1958.

¹⁹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949.

²⁰ А. В. А р ц и х о в с к и й , М. Н. Т и х о м и р о в , Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), М., 1953; А. В. А р ц и х о в с к и й , Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М., 1954; А. В. А р ц и х о в с к и й , В. И. Б о р к о в с к и й , Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—54 гг.), М., 1958; А. В. А р ц и х о в с к и й , В. И. Б о р к о в с к и й , Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—57 гг.), М., 1963; А. В. А р ц и х о в с к и й , В. И. Б о р к о в с к и й , Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—61 гг.), М., 1963.

²¹ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук», СПб., 1836.

²² «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.», М., 1963.

²³ «Українські грамоти», Київ, 1928; «Українські грамоти 15 ст.», Київ, 1965.

187 из летописей, шесть из «Хожения» и 76 из грамот. На северо-западе процент употребления связки остается очень высоким по трем установленным периодам: 85, 69, 95; сходное положение наблюдается и на юго-западе: 81, 74, 94; в центре, наоборот, наблюдается резкий спад: 60,—, 32 (нет данных для второго периода). Тот факт, что связка почти всегда употребляется в 1 и 2-м лицах в текстах северо-запада и юго-запада, свидетельствует о консервативном характере языка в этих областях, тогда как язык центра оказался в большей мере подверженным инновациям.

3-е л и ц о. Связка употребляется относительно часто в первом периоде (в 66% случаев на северо-западе и на юго-западе, лишь в 42% случаев в центре). Затем процент употребления связки падает до нуля (если пренебречь несколькими исключениями) в центре (быстро) и на северо-западе (медленно), но остается довольно высоким на юго-западе: 40% для второго периода и даже 60% для третьего; этот подъем объясняется началом второго югославянского влияния и польским влиянием.

Ф у н к ц и я в с п о м о г а т е л ь н о г о г л а г о л а ; 1 и 2-е л и ц а. Исследование текстов показывает стабильность употребления вспомогательного глагола (свыше 70%). Поскольку три четверти всех данных, относящихся к этой категории, принадлежит грамотам, то постоянное употребление форм *есмь*, *еси* можно объяснить прежде всего повторением стереотипных, шаблонных формул.

3-е л и ц о. Утрата форм *есть* и *суть* в качестве вспомогательного глагола шла быстрым темпом. Если в первом периоде процент употребления этих форм колеблется между 54 (на северо-западе) и 18 (в центре) (36 на юго-западе), то он равняется нулю уже во втором периоде в центре и в третьем периоде на северо-западе.

Тексты юго-западного происхождения — несмотря на спад процента, который все-таки никогда не доходит до нуля — имеют относительно консервативный характер.

Ф у н к ц и я у к а з а т е л я м е с т о н а х о ж д е н и я. Это почти исключительно предложения с глаголом в 3-м лице. Процент употребления глагола *быти* остается значительным, что соответствует современному положению в «отмеченных» предложениях. Однако и при этой функции глагола проявляется языковая консервативность юго-запада; даже в третьем периоде процент употребления формы *есть* в памятниках этой области превышает 70.

Ф у н к ц и я у к а з а т е л я с у щ е с т в о в а н и я (и у п о т р е б л е н и я г л а г о л а в п о с е с с и в н ы х о б о р о т а х). Форма *есть* не исчезает полностью, что соответствует современному состоянию. В 3-м периоде отмечается лишь 6% случаев употребления *есть* на северо-западе и 13% в центре, в то время как на юго-западе эта форма представлена в 86% случаев.

О б о р о т ы, и з к о т о р ы х р а з в и л а с ь « к а т е г о р и я с о с т о я н и я ». На эту группу приходится 21,4% всех данных, так как сюда входят предложения долженствования с инфинитивом плюс дат. падеж. *Есть* полностью отсутствует в текстах центра уже во втором периоде, а в текстах северо-запада — в третьем. Процент употребления формы *есть* в памятниках юго-запада почти не изменяется от первого к третьему периодам (колеблется между 15 и 11%).

6. И так, получается довольно противоречивая картина: в 3-м лице русский язык очень быстро пришел к тому состоянию, которое преобладает и в наше время — к отсутствию связки и вспомогательного глагола; в случаях, когда *быти* сохраняет конкретное значение, его употребление соответствует теперешним нормам, т. е. противопоставлению «отмеченных» и «неотмеченных» предложений. Употребление формы *есть* в оборотах,

из которых развивалась категория состояния (довольно редкое), в древнейших памятниках следует рассматривать как старославянизм.

В то же время в 1 и 2-м лицах язык остался очень консервативным: в качестве вспомогательного глагола *быти* употребляется в текстах XVI в. еще в 75% случаев; употребление *быти* в качестве связки (правда, собрано мало данных) резко сокращается в Центральной России, но положение остается почти неизменным в других областях.

Действительно ли было так? Или это противоречие относится лишь к письменному языку? Чтобы ответить на эти вопросы, мы решили сопоставить полученные результаты с данными текстов XVII в. — сочинений Аввакума и писем из фонда А. И. Безобразова²⁴.

Результаты сопоставления показательны. У Аввакума, как правило, отсутствует вспомогательный глагол в 1-м лице ед. числа (442 сл.) и мн. числа (972 сл.). Во 2-м лице он употребляется редко: в 10% случаев в ед. числе (71 сл.) и в 20% случаев во мн. числе (20 сл.) — и при этом всегда в стилистических целях, например: «Што опечалися еси?», «пался еси великъ, а не всталъ» и т. д. Связка же отсутствует в 70% случаев в 1 и 2-м лицах, а там, где она употребляется, можно легко убедиться в ее стилистическом назначении, например: «То выблядки, а не сынове есте», «яко бы еси Христость», «какогого духа еста вы», «иесь есмь язъ» и т. д. Такое употребление глагола *быть* является старославянизмом (что доказывается присутствием таких слов, как *яко*, *язъ*, *сынове*). Данные памятников народно-разговорного языка еще более показательны. Из всех 677 случаев, относящихся к 1 и 2-му лицам, мы нашли только один случай употребления формы настоящего времени глагола *быть*: «Се яз... Алексей Тимофеев... да аз Исак Иванов... выручили есми...», причем в составе стереотипной юридической формулы.

Нельзя предполагать, что язык так резко изменился за несколько десятилетий; нам приходится прийти к заключению, что довольно высокий процент употребления форм настоящего времени глагола *быть*, представленный в грамотах первой половины XVI в., свойствен лишь письменному языку, что речь идет только об архаизмах, о шаблонных оборотах. Можно утверждать, что отсутствие форм 1 и 2-го л. настоящего времени глагола *быти* уже давно было фактом живого русского языка, даже если оно и произошло после утраты связки и вспомогательного глагола в 3-м л.

7. В заключение вернемся к тем гипотезам, о которых говорилось в начале этой статьи, и рассмотрим их в свете полученных результатов.

Первая гипотеза (номинативный строй предложения в русском языке является индоевропейским наследием). Никакому другому индоевропейскому языку — древнему или современному — не свойственно представленное в русском регулярное отсутствие форм настоящего времени глагола *быть* 1 и 2-го лиц. Если видеть в современном состоянии русского языка древнюю особенность, то надо отнести ее к какому-то неизвестному периоду истории индоевропейских языков. В древнейших русских текстах отсутствие формы настоящего времени глагола *быти* было очень редким даже и в 3-м лице. Это не соответствует индоевропейской гипотезе. Если же рассматривать употребление форм настоящего времени глагола *быти* в этих текстах как старославянизм, то как в таком случае объяснить тот факт, что только русский язык — среди всех индоевропейских языков и среди всех славянских языков — сохранил это гипотетическое праязыковое индоевропейское состояние?

²⁴ П р. А в в а к у м, Житие, челобитные к царю, переписка с боярыней Морозовой, Париж, 1951; «Памятники русского народно-разговорного языка XVII ст. (из фонда А. И. Безобразова)», М., 1965.

Вторая гипотеза (о роли внутриязыковых факторов в утрате настоящего времени *быти* в русском языке). Рассмотрим эти факторы. Могло ли отсутствие формы глагола в 3-м лице распространиться на другие лица? И по значению, и по функционированию 3-е лицо резко отличается от других лиц. Кроме того, во всей индоевропейской семье наблюдается как раз генерализация употребления связки в 3-м лице, т. е. наблюдается картина, обратная эволюции русского языка.

Далее, могло ли употребление личных местоимений вызвать утрату форм настоящего времени глагола *быти*, ставших ненужными? В ряде языков, например во французском, английском, немецком и других, употребление личных местоимений стало обязательным в совокушности со спрягаемыми формами глаголов, утраты форм настоящего времени глаголов *être, to be, sein* при этом не происходило.

Результаты наших исследований показали, что трудно установить какую-либо закономерность относительно употребления местоимений и при отсутствии форм настоящего времени глагола *быти* и, наоборот, употребления таких форм при отсутствии местоимений. Иногда наблюдается наличие обоих слов, причем придать этой «избыточности» какое-либо стилистическое значение не удается. Отметим, что в произведениях Аввакума и в текстах фонда Безобразова нередко отсутствуют и местоимение, и глагол. Можно утверждать, что не генерализация употребления местоимений вызвала утрату форм настоящего времени глагола *быть*, а наоборот, утрата этих форм сделала употребление местоимений обязательным.

Что касается объяснения, согласно которому замена аориста и имперфекта перфектом повлекла за собой утрату вспомогательного глагола, так как в этих временах употреблялись простые формы, то его тоже следует признавать малоубедительным. В других славянских языках — например в польском, чешском — также имела место утрата аориста и имперфекта и замена их перфектом. Однако формы глагола *byt, być* продолжали употребляться.

Объяснение утраты форм настоящего времени глагола *быти* вследствие фонетической редукции, которая стала возможной благодаря их энклитическому характеру, противоречит фактам. В наших исследованиях мы не обнаружили никаких следов такой редукции. Кроме того, в тех языках, в которых подобная редукция наблюдалась, формы настоящего времени глагола *быть* все же сохранились. В польском языке, например, фонетическая редукция (вследствие которой формы настоящего времени глагола *być* иногда редуцировались до одной фонемы) вызвала образование новой парадигмы на основе *jest*. Подобное явление имело место и в сербскохорватском языке, в котором сосуществуют две парадигмы настоящего времени глагола *быти* — одна под ударением, другая энклитическая.

Остается третья гипотеза (о действии внешелингвистических факторов, т. е. о влиянии финно-угорского субстрата). Можно полагать, что обрусевшее финно-угорское население сохранило некоторые лингвистические «автоматизмы», в числе которых был и «номинативный» строй предложения²⁵; в ходе метизации такие особенности могли распространиться и среди исконно славянского населения, особенно при наличии лингвистических структур, формально совпадавших с этими особенностями. Примером такой структуры может служить возможное отсутствие связки в 3-м лице, встречавшееся в древнеславянском языке и вообще в древних индоевропейских языках. Тот факт, что изучаемое явление раньше всего и быстрее всего развивалось в Центральной России, повышает ве-

²⁵ О распределении финно-угорских языков на основе развития номинативного предложения см. мою статью «La phrase nominale en russe et les constructions voisines dans les langues finno-ougriennes» («Studia Slavica Hung.», XVII, 3—4, 1971).

роятность этой гипотезы, но ее принятие в свою очередь ставит новые вопросы. Что известно об этом древнем финно-угорском населении? Если имелось влияние какого-то финно-угорского субстрата, то оно, вероятно, оставило и другие следы в русском языке. Но какие?

Финно-угорское население Центральной России когда-то занимало территорию, более широкую, чем сегодня. Средневековые летописи, например «Повесть временных лет», дают названия финно-угорских народностей, живших в конце I тысячелетия н. э. на этой территории. Археологические, антропологические, топонимические — особенно гидронимические — данные подтверждают эти указания²⁶. Можно считать доказанным тот факт, что в I тысячелетии н. э. финно-угорские народности занимали всю территорию от Балтийского моря до Урала. П. Н. Третьяков пишет: «Последние века I тыс. н. э. были временем проникновения славян также и в Волго-Окское междуречье, и не только в его западные и центральные области, куда еще раньше проникло балтийское население, но и в восточные и южные области, принадлежавшие финно-угорским племенам — мере, муроме и северным мордовским группировкам. По течению Волги вплоть до района Ярославля распространились поселения Кривичей (с длинными курганами). В область Средней Оки и в смежные местности в эти же столетия продвигались верхнеокские Вятичи, потеснившие на Оке многочисленное мордовское население. С севера по водным путям, соединяющим Балтийский бассейн с Поволжьем, спускались группы населения из Приильменя. Мощная волна колонизации, охватившая восточные финно-угорские области Волго-Окского междуречья — будущие Ростово-Суздальскую и Муромскую земли, — относится к X—XII вв... В последующие столетия здесь развернулся процесс ассимиляции мерянского, муромского и другого финно-угорского населения, завершившийся лишь к XIV—XV вв. н.э.»²⁷.

На второй вопрос можно ответить, ссылаясь на те труды, в которых постулировалось возможное влияние финно-угорского субстрата на развитие русского языка, и прежде всего его фонетики²⁸, и особенно на книгу В. Веенкера. В этой книге особенности русского языка, которые можно объяснить финно-угорским влиянием, делятся на три группы: 1) особенности, для которых такое объяснение достоверно; 2) особенности, для которых оно вероятно; 3) особенности, для которых оно возможно. К первой группе он относит аканье, номинативное предложение, способы выражения пассивности (замена глагола *имѣти* оборотами типа *у меня, у тебя ... есть*) (для литературного языка); переход от *о* к *ѡ*, *е* к *ѣ*, цоканье, ударение на первом слоге, употребление морфемы сравнения с именами существительными, предложения типа *земля пахать*, употребление некоторых аффиксов (для диалектов).

Итак, даже отказавшись видеть в субстрате нечто вроде *dei ex machina*, можно считать гипотезу о роли финно-угорского субстрата в развитии номинативного предложения в русском языке одной из убедительных.

²⁶ См.: Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья, М., 1962; «Происхождение и этническая история русского народа», М., 1962 (здесь указывается на то, что с антропологической точки зрения мордва ближе финно-угорскому населению Прибалтики, чем другим финно-угорским народностям); В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья, М., 1962; П. И. Третьяков, Финно-Угры, Балты и Славяне на Днестре и Волге, М.—Л., 1966.

²⁷ П. Н. Третьяков, указ. соч., стр. 305.

²⁸ Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949, стр. 35; П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1954, стр. 136; В. И. Лыткин, Еще к вопросу о происхождении русского аканья, ВЯ, 1965, 4.